

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А. В. Кузьмин

ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ К АКТАМ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – НАЧАЛА XV в.¹

Жалованная, данная с отводом (рубежом), заповедная грамота великого князя полоцкого Андрея Ольгердовича боярам Ф. Ф. и Д. Ф. Корсакам на село Семенцово на Берязвичи (и проблема датировки так называемого Друцкого Евангелия)

По мнению А. Л. Хорошкевич, «точно датировать» заповедную грамоту великого князя Андрея Ольгердовича († 12.08.1399) «не представляется возможным», границы датировки акта весьма широки — 1350—1378, 1381—1387 г. Анализируя биографию правителя Полоцкого княжества, упоминание в актах послухов, и в том числе представителей боярского рода Корсаков, исследовательница пришла к выводу, что, «скорее всего, грамоту следует отнести к 80-м годам» XIV в.² Отождествить других свидетелей княжеского пожалования, которые упоминаются в акте, с известными в источниках лицами, А. Л. Хорошкевич не смогла. Эта исследовательская проблема и станет нашей задачей, поскольку она может помочь или уточнить время составления данного акта, или подтвердить одну из известных его датировок.

Для исследователей до сих пор совершенно загадочной представляется фигура князя Василия Друцкого, одного из послухов, упоминаемых в акте. А. Л. Хорошкевич справедливо считает, что не следует отождествлять его с Василием Семеновичем Друцким, так как деятельность этого князя относится к первой половине XV в.³

Затруднения с точным выяснением происхождения и отождествлением князя Василия Друцкого во многом связаны с тем, что генеалогические источники не содержат подробной информации о ранних поколениях князей Друцких. Сохранившаяся родословная роспись старшей ветви данной фамилии упоминает только тех, кто начал служить великим князьям литовским на рубеже XIV—XV в. Первичные сведения этой росписи не были полными, их пришлось пополнять, когда его представители возвысились на службе в Москве в третьей четверти XVI в. и попали в опричную думу⁴.

Проанализировав сведения белорусско-литовских летописей, М. К. Любавский пришел к обоснованному выводу, что князья Друцкие, как и жители соседней Орши, политически тянули к Витебску; «когда установилась эта зависимость Друцка от Витебска, во время ли литовского владычества

¹ Окончание. Начало статьи см. в № 2 (28). С. 33–42.

² Хорошкевич А. Л. Комментарии // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1980. Т. III. С. 140–152.

³ Там же. С. 150.

⁴ РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 153–154 (Подробнее см.: Приложение № 2); Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 65–66, 74.

или ранее, сказать трудно за неимением исторических данных, — скорее всего, ранее литовского владычества, как принимает Карамзин»⁵. Наблюдения Н. М. Карамзина подтверждают сведения по истории данного региона второй половины XII в., которые находятся в Ипатьевской летописи. В связи с этим служебные отношения князей Друцка с правителями Полоцка и Витебска в XIV в. не представляются удивительными. Даже в XVII в. многочисленные ветви князей Друцких продолжали быть тесно связанными с Витебщиной. В это время один из них, князь Горский-Друцкий, по-прежнему продолжал держать осадный двор, доставшийся ему от предков⁶. Помимо этого, вхождение князей Друцких и их владений в политическую орбиту Витебской земли на примере домонгольского Могилёва косвенно подтверждают данные археологии. Согласно наблюдениям И. А. Марзалюка, «княскі знак з шыфернага праселка, знойдзенага ў Друцку... аналагічны знаку на донцах магілёўскіх гаршкоў XII—XIII стст.», а также керамике с городища в Масковичах. Данный факт позволил белорусскому исследователю прийти к обоснованному предположению «аб магчымасці знаходжання Магілёва ў XII—XIII стст. пад кантролем Друцка»⁷.

Анализ корпуса источников, посвященных князьям Друцким, позволяет прийти к выводу, что следует видеть в Василии Друцком князя Василия Михайловича, единственного из рода князей Друцких, носивших в XIV в. имя Василий. Во второй половине XIV в. этот правитель Друцка и его жена княгиня Василиса оковали и дали в церковь Пречистой Богородицы в Друцке Евангелие-Апракос. Обращаясь к своим детям, князь В. М. Друцкий (на Л. 188^{v-r}) приказал записать свое пожалование храму «село Моравыничы и съ людьми и со всеми пошлинами, и съ медовою данью, и съ селищи и с пожьнями... да даль есмь... ись своего села из Видиничь десятину ись жита, а по моемъ животе не надобе въступати ся ни моимъ детемъ, ни моимъ тивуномъ, ни иному которому насилнику... а который человекъ сидитъ на Поротвине земли, тотъ даеъ 5 пудовъ меду проскурнице на заоупокоины кануны къ Святеи Богородице, да даль есмь на память лукъно Якимово на Худаве полулуконье, а вы бы мои дети темъ мя поминали, а моего бы есте слова не починили»⁸. По наблюдениям М. Н. Тихомирова и поддержавших его точку зрения А. И. Рогова, Н. Н. Покровского, Ю. К. Бегунова, В. Л. Насевича, О. Н. Левко и др., время создания кодекса, как и его уставную запись, следует датировать первой половиной XIV в.⁹, согласно мнению Л. П. Жуковской, Г. В. Штыхова, С. А. Акулича, Р. Ч. Лянкевича, Л. П. Панина, Л. В. Алексеева и др. — XIV в.¹⁰ Разница в датировке источника объясняется тем, что исследователи по-разному определяли время жизни друцкого князя Василия Михайловича.

⁵ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892. С. 250–251. Данная точка зрения позднее поддержана в историографии (Подробнее см.: Nikodem J. Uposażenie młodszych Olgięrdowiczów. Przyczynek do biografii Skirgiełły // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2001. Т. XV. S. 11, 13).

⁶ Алексеев Л. В. К истории и топографии древнейшего Витебска // Советская археология. 1964. № 1. С. 105. То же самое наблюдается в Полоцке в XVI в. (Латно И. И. Полоцкая ревизия 1552 г. // ЧОИДР. 1905 г. Кн. 230. М., 1905. Кн. 2. Отд. 1. (по указ.)).

⁷ Марзалюк І. [А.] Магілёў у XII—XVIII стст.: Людзі і рэчы. Мінск, 1998. С. 20; Ляўко В. [М.] Раздрабленне Полацкай зямлі // Гісторыя Беларусі у 6 тт. Мінск, 2000. Т. I. С. 188–189. Подробнее см.: Марзалюк І. [А.] Да пытання аб адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці і сацыяльным статусе Магілёва ў XII—XIII стст. // Гісторыя і археалогія Полоцка і Полацкай зямлі // Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 1998. С. 178–187.

⁸ Цит. по кн.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии, XIV в. М., 2002. Вып. 1 (далее — СКСРРК). № 187. С. 330–331.

⁹ Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР (г. Новосибирск) // Археографический ежегодник 1965 г. М., 1966. С. 162–163; Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно») // Там же. № 610. С. 223; Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 10 (с датой — нач. XIV в.); Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 9–10; Бегунов Ю. К. Тихомировское собрание рукописей // Советские архивы. 1969. № 6. С. 123; Насевич В. [Л.] Друцкія // Энциклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 тт. Мінск, 1996. Т. III. С. 295; Насевич В. [Л.] Друцкія // Вялікае княства Літоўскае: Энциклапедыя. У 2 т. Мінск, 2005. Т. I. С. 600; Друцк старожытны. Мінск, 2000; Друцк летапісны. Друцкае Евангелле / Рэдкал.: У. П. Андрэйчанка і інш. Мінск, 2001; Пазднякоў В. Друцкае Евангелле // Вялікае княства Літоўскае. Т. I. С. 599; Левко О. Н. Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси: Формирование и развитие. Минск, 2004. С. 55.

¹⁰ Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 318; Жуковская Л. П. Связь изучения

Наиболее узкая датировка акта принадлежит А. А. Турилову. Исследователь, предполагая пропуск в дате после цифр слова «соть», считает, что данное пожалование в пользу друцкой церкви Святой Богородицы следует датировать 1400—1401 г.¹¹ По мнению А. А. Турилова, также «правильность датировки жалованной грамоты и всей рукописи 1400—1401 (или 1401—1402) г. подтверждается и временем жизни вкладчика — по всей вероятности свата великого князя рязанского Олега Ивановича». Кроме того, согласно его наблюдениям, «палеография рукописи соответствует рубежу XIV—XV вв.»¹². Выводы А. А. Турилова без привлечения дополнительных аргументов поддержали О. В. Лосева и Б. Н. Флоря¹³.

Однако датировка друцкого акта 1400—1401 г. нам представляется сомнительной, поскольку она недостаточно учитывает время жизни вкладчика, а также место и скорость создания данного кодекса.

По мнению А. А. Турилова, почерк писца вкладной записи на Друцком полном Евангелии-Апракосе близок почерку митрополичьего писца московского протодиакона Спиридона в так называемой Киевской Псалтыри 1397 г. (РНБ. ОЛДП. Ф. 6)¹⁴. Это очень важное наблюдение помогает связать заказчика кодекса и писца вкладной записи. Дело в том, что Спиридону, входившему в ближайшее окружение митрополита Киприана, принадлежит работа по созданию и редактированию еще ряда рукописных книг. Из числа сохранившихся кодексов ныне известно Евангелие-Апракос 1393 г. (Там же. Ф.п.1. 18. Л. 97^{а-г}). Оно было переписано в Северо-Восточной Руси по заказу боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго¹⁵. Последний был хорошо знаком с великим князем Андреем Ольгердовичем. С 1372 г. князь Владимир был женат на его сестре Елене¹⁶. Вместе со своими служилыми дворами князь участвовал в зимнем походе 1379—1380 г. на земли Брянского, Трубчевского и Стародубского княжеств, а 8 сентября 1380 г. принимали участие в Куликовской битве¹⁷. В 1385 г. в войсках под командованием князя Владимира Андреевича Храброго в походе на Рязанское великое княжество участвовал князь Михаил Андреевич, сын Андрея Ольгердовича. Запись о его гибели в неудачном для москвичей сражении попала на страницы летописного свода¹⁸, в создании которого, как полагают исследователи, были использованы материалы как летописца митрополита Киприана, так и князя Владимира Андреевича Храброго¹⁹. Князя также заключали друг с другом союзнические договоры, тексты которых, правда, не сохранились. В описи архива Посольского приказа 1627 г. (дата уточнена В. А. Кучкиным²⁰) были упомянуты: «грамота докончальная

изобразительных средств и текстологии памятника // Древнерусское искусство. М., 1974. Сб. 2: Рукописная книга. С. 67; Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 364; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978. С. 81; Акулич С. А. Друцкае Евангелле // Энциклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 тт. Т. III. С. 293—294; Акулич С. А. Друцкае Евангелле // Беларуская энциклапедыя ў 18 тт. Мінск, 1998. Т. VI. С. 223; Лянькевіч Р. Ч. Друцкае евангелле // Рэлігія і царква на Беларусі: Энциклапедычны даведнік / Галоў. ред. Г. П. Пашкоў. Мінск, 2001. С. 95; Древнему Друцку 1000 лет: Материалы к научно-практической конференции. Витебск, 2001; Панин Л. Г. Друцкое Евангелие XIV в. (к исследованию языка и состава чтений) // Вестник Новосибирского Государственного университета. Сер.: История. Филология. Новосибирск, 2003. Т. II. Вып. 1: Филология. С. 64; Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: в 2-х кн. М., 2006. Кн. 1. С. 135.

¹¹ Турилов А. А. О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона книгописца» // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1992. Вып. 26. С. 41—42. Примеч. 55; Турилов А. А. Заметки о кириллических пергаменных рукописях собрания бывшей Виленской публичной библиотеки (Ф. 19 БАН Литвы) // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Kraków, 1997. Т. II. S. 118—119; СКСРРК. XIV в. Вып. 1. № 187. С. 331 [Библиогр. С. 331].

¹² СКСРРК. XIV в. Вып. 1. № 187. С. 331.

¹³ Лосева О. В. Русские Месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 37; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М., 2007. С. 31.

¹⁴ Устное сообщение А. А. Турилова; ср.: Киевская Псалтырь 1397 г.: Факсимильное издание. М., 1978.

¹⁵ СКСРРК. XIV в. Вып. 1. № 176. С. 311—313. О происхождении его месяцеслова см.: Лосева О. В. Русские Месяцесловы.

¹⁶ Кучкин В. А. Сподвижник Дмитрия Донского // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 109, 110.

¹⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Вып. 1. Стб. 138. Л. 333; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 129. Л. 249 об. — 250; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 200. Л. 275 об.; С. 202. Л. 278 и др.

¹⁸ Присёлков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 429; ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 150. Л. 341; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 135. Л. 267; ПСРЛ. Т. 25. С. 212. Л. 294 об.

¹⁹ Присёлков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 186, 191; Насонов А. Н. История русского летописания. XI — начало XVIII в. М., 1969. С. 365—367.

²⁰ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 119. Примеч. 3.

великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Одреевича с великим князем Одреем Ольгердовичем; да тут же грамота докончальная великого князя Одрее Ольгердовича с великим князем Володимером Одреевичем, а князь Володимер кончал за брата своего за князя Дмитрия Ивановича, а которого году, и того ни в одной грамоте не объявилось»²¹. По-видимому, тесная связь между Серпуховским и Полоцким дворами могла касаться не только вопросов политики и войны, но и художественных и духовных пристрастий. Известно, что осенью 1393 г. с целью заключения мира князь Андрей Ольгердович вместе с псковскими послами приезжал в Новгород, но мира здесь «не возмь». Данное событие по времени практически совпадает с приходом в Великий Новгород от патриарха Антония вифлеемского архиепископа Михаила, который «привезль Новуграду две грамоте о поучении крестияномъ»²².

Эти два события имеют между собой очень тесную связь. Вряд ли, вслед за С. Г. Жемайтисом, следует считать, что реальным заказчиком так называемой Киевской Псалтири 1397 г. являлся не бывший смоленский епископ Михаил, а патриарший экзарх — архиепископ Михаил Вифлеемский²³. Примеры переписки по заказу греческих иерархов церкви в Константинополе кириллических книг в настоящее время неизвестны²⁴.

Между тем позднейшее сходство почерка писца вкладной записи в Друцком Евангелии-Апракосе и Киевской Псалтири 1397 г. нам представляется неслучайным. Учитывая тесную связь между вифлеемским архиепископом Михаилом и протодьяконом Спиридоном в 1396–1397 г., можно полагать, что их отношения могли завязаться еще ранее, когда последний выступал еще только как митрополичий дьякон. Возможно, что сам Спиридон по поручению митрополита Киприана или кто-то из его учеников сопровождал архиепископа Михаила во время его пребывания в Москве и Великом Новгороде. Как установил Д. Оболенский, это время относится к лету 1393 — зиме 1394 г.²⁵ Не исключено, что именно факт поездки Спиридона в Великий Новгород объясняет его минимальное участие в написании полного Евангелия-Апракоса по заказу князя Владимира Андреевича Храброго. Однако краткость летописного текста Новгородской I летописи, к сожалению, не дает четкого представления о том, совпали ли по времени миссии великого князя Андрея Ольгердовича и архиепископа Михаила в Великом Новгороде. Деятельность архиерея была посвящена церковным вопросам, которые в 1393 г. касались как Московской Руси, так и Великого Новгорода, а в 1397 г. еще и ВКЛ²⁶. Поэтому задержка Андрея Ольгердовича и его окружения осенью 1393 г. в городе в связи с желанием духовного общения с авторитетным православным пастырем выглядит вполне очевидной. В это же время в Великом Новгороде оказался митрополичий посол Дмитрий Афинеевич, который приезжал за серебром, данным новгородцам в Константинополе в долг²⁷. Впрочем, запись Спиридона или лиц его круга в Друцком Евангелии могла появиться и чуть позже.

Весной 1394 г. в городе находился уже сам митрополит Киприан «с патриаршимъ послом в великое говение»²⁸. Присутствие дьякона Спиридона в его свите вполне вероятно, тем более что патриаршие послы имели наказ сделать в Новгороде точные копии с выданных сюда ранее византийских императорских хрисовулов, которые послы должны были доставить в Константинополь²⁹. Конечно,

²¹ Там же; Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. В. А. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 34–35. Л. 5–5 об.

²² ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 387. Л. 233 об.; см. также: ПСРЛ. М., 2000. Т. XVI. Стб. 137.

²³ Жемайтис С. Г. К вопросу о происхождении и бытовании Киевской Псалтири (1397–1518 г.) // Хризограф / Сост. и отв. ред. Э. Н. Добрынина. М., 2005. Вып. 2. С. 126–138.

²⁴ Устное сообщение А. А. Турилова и Л. И. Щёголевой.

²⁵ *Obolensky D.* The Byzantine Inheritance of Eastern Europe. Variorum reprints. London, 1982. P. 300–301; Жемайтис С. Г. К вопросу о происхождении и бытовании Киевской Псалтири (1397–1518 г.). С. 128.

²⁶ Жемайтис С. Г. К вопросу о происхождении и бытовании Киевской Псалтири (1397–1518 г.). С. 128.

²⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 375. Л. 247 об.

²⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 387. Л. 233.

²⁹ Медведев И. П. Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV века // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 289–297.

данное задание предполагало штат писцов, который в помощь послам как раз мог возглавлять Спиридон. В городе митрополита ожидали псковские послы, о чем умалчивают новгородские летописцы. Между тем псковичи, отмечая его «нелюбие» к Новгороду, противопоставляют этому благословение всего Пскова и его церковных людей со стороны Киприана. Псковские летописцы также зафиксировали важный факт возвращения своих послов из Новгорода, откуда вместе с ними в Псков приезжал с патриаршей грамотой полоцкий епископ Феодосий Грек³⁰. Не исключено, что он также должен был выяснить, сохранились ли императорские хрисовулы в Пскове.

Данные свидетельства источников отмечают тесное общение псковичей с представителями митрополита Киприана и его окружения в начале 1394 г. Именно этот год, по нашему мнению, является наиболее вероятным, когда с согласия друцкого князя Василия Михайловича могла быть составлена вкладная запись на Друцком Евангелии лицами, почерк которых близок к почерку митрополитичьего дьякона Спиридона.

Согласно источникам, князь В. М. Друцкий должен был действовать в середине — последней четверти XIV в. На этот факт указывает, прежде всего, перечень Друцких князей в древнейшем списке синодика Киево-Печерского монастыря, датированном концом XV в. Среди предков князя Д. И. Путятича-Друцкого († 1505) в нем были указаны сразу несколько князей: Даниил Друцкий, Михаил, Михаил, Дмитрий, Семен и Иоанн³¹. Очевидно, что последний из них — это его отец, а предпоследний — дед князя Д. И. Путятича-Друцкого. В 1401 г. Семен Дмитриевич, будучи старшим в роде князей Друцких, дал в Бирштанах клятву верности, что в случае смерти великого князя литовского Витовта Кейстутовича ему «не искати... иных господарей... мимо нашего господаря кроля Владислава Польского и куруны Польское»³², а в 1422 г. вместе с Витовтом он был прямо причастен к заключению третьего брака польского короля, который женился на Софье († 1461), дочери князя Андрея Ивановича Гольшанского и княгини Александры Дмитриевны Друцкой († 1426)³³. Время деятельности князя В. М. Друцкого и представителей рода из его поколения заставляет усомниться в точности пропуска именно слова «соть», предложенном А. А. Туриловым, в дате пожалованной грамоты, записанной в Друцком Евангелии-Апракосе. Для этого рассмотрим дискуссионную генеалогию князей Друцкого дома подробнее.

Прежде всего, обращает на себя внимание один генеалогический факт. Не будучи прямым предком князя Д. И. Путятича-Друцкого, Василий (в отличие от своего отца и деда) не был включен в начало списка князей, упоминаемых в родовом помяннике 1505 г. Ясно, что первые поколения князей даны без представителей боковой ветви рода: друцкий князь Даниил был отцом Михаила и дедом еще одного князя Михаила. Очевидно, что последний из них — это тот самый друцкий князь Михаил, который упоминается в 1330 г. в записках киевского митрополита Феогноста³⁴. Время жизни отца князя М. М. Друцкого, М. Д. Друцкого, по-видимому, следует относить к рубежу XIII—XIV в., деда, Даниила Друцкого, — к середине — второй половине XIII в.

³⁰ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 25. Л. 32–32 об.; Вып. 2. С. 107–108. Л. 41.

³¹ Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1892. Кн. 6. С. 31. Этот наиболее авторитетный источник о происхождении князей Друцких, как правило, совершенно напрасно игнорируется исследователями. Предпочтение ими отдается поздним генеалогическим штудиям XIX в. Охотно без тщательной проверки по источникам используются устаревшие труды князя П. В. Долгорукого, М. Д. Хмырова, П. Н. Петрова и др., некритично опирающихся в своей работе на информацию поздних польских гербовников или на авторитет мнения польского генеалога Ю. Вольфа, который также грешил использованием без проверки указанных выше справочников (подробнее см. ниже).

³² Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791 / Wydali St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932. № 40. S. 41–42; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 1 (1380–1584): Užrašymų knyga 1 = Литовская Метрика: Книга записей № 1 (1380–1584). Vilnius, 1998. № 2. S. 23. Наряду с князем С. Д. Друцким в это время аналогичные по содержанию грамоты дали такие видные титулованные представители политической элиты ВКЛ, как изяславские князья Юрий и Андрей Михайловичи, князь Иван Ольгимонтович Гольшанский и князь Юрий Довговд (Akta unji Polski z Litwą. № 41–43. S. 42–44). Данный процесс выдачи новых записей был связан с изменением политических прав князя Витовта Кейстутовича на ВКЛ (*Prochaska A. Przyczynki krytyczne do dziejów unii. Kraków, 1896. S. 15–16, 46–52*).

³³ ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 149 (С. 69–71); *Kosman M. Orzeł i pogoń: Z dziejów polsko-litewskich XIV–XX w. Warszawa, 1992. S. 158*.

³⁴ *Приселков М. Д., Фасмер М. Р.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. (Посвящается В. Н. Бенешевичу). I–IV // ИОРЯС. 1916 г. Пг., 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 50. В. А. Воронин, отметив данную информацию, тем не менее, затрудняется

О событиях в правление первых двух поколений князей Друцких письменные источники совершенно молчат. Одна из поздних и малодостоверных легенд, попавшая в первой половине XVI в. на страницы белорусско-литовских летописей, отмечает, что во время Батыева нашествия из Киева в Чернигов бежал великий князь Дмитрий. Отсюда он попал на княжение в Друцк, где стал основателем новой династии³⁵. Данная информация в целом перекликается с другой, посвященной полоцким князьям из друцкой ветви Рюриковичей, которая, как утверждает традиция, прервалась на рубеже XII—XIII в.³⁶ Однако в вопросе об этническом происхождении правителей Полоцка и Друцка они совершенно расходились. В легенде о полоцких князьях, датируемой 20-ми г. XVI в., проводилась идея о том, что еще в домонгольское время здесь появились представители одной из династий православных литовских князей³⁷. Таким образом, происхождение Рогволодовичей от князя Всеслава Брячиславича было сфальсифицировано. Между тем в чуть более поздней по времени созданию генеалогической легенде, повествующей только о князьях Друцких, потомках князя Дмитрия, эта идея совершенно не просматривается, хотя и отмечается, что в служебном отношении они были зависимы от правителей ВКЛ³⁸.

В приведенной выше генеалогической информации, очевидно, были смешаны разные устные и письменные традиции, комбинации которых далеко не всегда правильно разъясняются историками. Связано это с тем, что в данном случае методика текстологии летописей должна была на первое место пропустить методику изучения фольклорных текстов. Как установил В. Я. Пропп, в фольклорных текстах, как правило, сохраняется основной сюжет повествования, а такие величины, как имена героев и время событий, отнюдь не постоянны³⁹. Поэтому серьезно относиться к многочисленным реконструкциям генеалогии полоцких и друцких князей, выполненным на основании сведений белорусско-литовских летописей, нет смысла. Тем не менее абсолютно игнорировать сведения данных источников не стоит. Очевидно, что в рождении версии о происхождении друцких князей от киевского князя Дмитрия смешано сразу несколько традиций. Сюжет бегства из Киева в Чернигов напоминает один из фактов биографии великого князя Михаила Всеволодовича († 1246). Косвенную связь между Друцком и Киевом в 1238—1240 г., во-первых, можно увидеть в том, что в 1239 г. его преемником на Киевском княжении стал князь Ростислав (Борис) Мстиславич, происходивший из старшей ветви смоленских князей, претендовавших также на Полоцк и Витебск. Русские летописи, отмечая картину страшного разорения во время Батыева нашествия Южного Поднепровья, практически ничего не пишут о разорении городов и волостей, находившихся к северу от Киева. Только результаты археологических исследований культурного слоя древнерусских городов восстанавливают картину отчаянной обороны и жестокой расправы захватчиков над оборонявшейся стороной. В середине XIII в. жертвами монгольского нашествия в среднем Поднепровье стали Мозырь, Любеч, главный город черниговского Посожья — Гомий (Гомель), причем дважды, а также Вищин, Городище и Могилёв. Точные древнерусские названия трех последних населенных пунктов исследователям до сих пор неизвестны. Городские центры Гомия и Могилёва, как и в случае с Новгородом-Северским, прекратили функционировать вплоть до начала XIV в., а Вищин превратился в сельское поселение⁴⁰. Таким образом, во второй половине XIII — начале XIV в. волны ордынских набегов едва не коснулись центральных земель Друцкого княжества.

соотнести это уникальное сообщение источника с одним из двух известных синодику друцких князей по имени Михаил (Воронін В. [А.] Друцкія князі XIV ст. // Беларускі гістарычны агляд. Менск, 2002. Т. IX. Сш. 1—2 (16—17). С. 10).

³⁵ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 129. Л. 66 об. — 67 (Летопись Красинского), С. 146. Л. 228 об. (Летопись Рачинского), С. 194. Л. 18 об. (Румянцевская летопись).

³⁶ Загорулский Э. М. Генеалогия полоцких князей Изяславичей. Минск, 1994. С. 12—13.

³⁷ Флоря Б. Н. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5. С. 110—116.

³⁸ ПСРЛ. Т. XVII; ПСРЛ. Т. 32; ПСРЛ. Т. 35 (по указ.).

³⁹ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 1998.

⁴⁰ Макарова Т. И. Венец с перегородчатой эмалью из Любеча // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 160; Макушников О. А. Стратиграфия раскопа 1988 г. на Гомельском детинце и некоторые вопросы истории летописного Гомия // Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск, 1994. Вып. 3. С. 178—189; Марзалюк І. [А.] Да пытаньня аб адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці і

Накануне установления его зависимости от ВКЛ это способствовало усилению роли Витебска и Друцка в Западной Руси. Более того, некоторые исследователи не исключают возможности того, что «на подставе больш позніх падзеў можна меркаваць, што над кантроль Віцебска ці Друцка адышла Орша і кавалак тэрыторыі між Дняпром і Пропаццю (Проняй), дзе пазней знаходзіліся Горская, Басейская і Магілёўская воласці»⁴¹. Во-вторых, на связь между Друцком и Киевом указывает наместничество в последнем из городов в 1492–1505 г. князя Д. И. Путятича-Друцкого⁴². Вероятно, именно это правление в Киеве представителя рода князей Друцких могло быть интерпретировано позднейшими книжниками как происхождение данной династии из местных киевских князей. Его связь с Черниговом может объясняться длительным наместничеством князя Д. И. Путятича-Друцкого в Любушке, Мценске и других городах Чернигово-Северской земли.

Детями князя М. М. Друцкого были как Дмитрий, так и Василий Михайловичи. Все они, как свидетельствуют данные древнейшего из сохранившихся списков синодика Киево-Печерского монастыря конца XV в., были потомками Рюриковичей, а не Гедиминовичей, о чем первые польские гербовники и сами князья Друцкие хорошо помнили еще в XVII в.⁴³ Этот княжеский род поздние польские гербовники, а вслед за ними и многие исследователи XIX–XX в. ошибочно включали в число потомков вольнских Рюриковичей. В своих работах они приводят совершенно фантастическую генеалогию друцких князей за XIII–XIV в., в которой практически ни один из элементов не подтверждается данными авторитетных генеалогических источников⁴⁴.

Таким образом, современное мнение ряда исследователей, будто князья Друцкого дома были не Рюриковичами, как считалось ранее⁴⁵, а потомками брянского и трубчевского князя Дмитрия Ольгердовича⁴⁶, ошибочно. Авторитетными генеалогическими источниками оно не подтверждается. Стоит подчеркнуть, что эта явно противоречивая генеалогическая реконструкция, выводящая ветви рода князей Друцких от Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, поддерживается далеко не всеми⁴⁷. В

сацияльным статусе Магілёва ў XII–XIII стст. С. 181; *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў: Гістарычна-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск, 2003. С. 105; Вишинский замок XII–XIII вв. Минск, 2004 и др.

⁴¹ *Насевіч В. [Л.]* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993. С. 74–75.

⁴² *Kuczyński S. M.* Dymitr Putiatycz // *Polski słownik biograficzny.* Kraków, 1946. Т. 6/1. Zesz. 26. S. 60–61.

⁴³ *Kojatowicz W. W.* Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium czyli o klejnotach albo herbach... Kraków, 1897. S. 45–47; *Марзалюк И. [А.]* Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов-русинов: от средневековья к модерну // *Ab imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве.* 2004. № 4. С. 559.

⁴⁴ *Niesiecki K.* Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego S. J., powiększony dodatkami z różniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych i wydany przez J. N. Bobrowicza. Lipsk, 1839. Т. III. S. 409; *Долгоруков П. [В.]* Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 130–132; *Хмыров М. Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Пол. 1-я: А–И. СПб., 1871. № 232. С. 11–12, № 238. С. 12–13 и др.; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. 2 изд.-е. СПб., 1895. С. 53; *Wolff J.* Kniżazwoje litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 56–64; *Uruski S.* Rodzina szlachty polskiej. Warszawa, 1906. Т. III. S. 264–265; *Дурасов В.* Родословная книга всероссийского дворянства. СПб., 1906. Ч. 1. Отд. 1. № 390. С. 48. № 471. С. 56. № 546–560. С. 63–64; *Насевіч В. [Л.]* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. С. 93, 121, 131–132, 136; *Насевіч В. [Л.]* Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV–XV стст.) // *Старонкі гісторыі Беларусі.* Мінск, 1992. С. 83–104; *Насевіч В. [Л.]* Друцкае княства і князі Друцкія // *Друцк старажытны.* С. 49–57; *Насевіч В. [Л.]* Друцкае княства і князі Друцкія // *Друцк летапісны. Друцкае Евангелле.* С. 49–57; *Насевіч В. [Л.]* Друцкія // *Вялікае княства Літоўскае: Эцыклапедыя.* Т. I. С. 600 и др.

⁴⁵ *Фон Баумгартен Н. [А.]* К происхождению князей Вяземских // *Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову.* М., 1915. С. 64; *Паушто В. Т., Флоря Б. Н., Хорюшкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 90.

⁴⁶ *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 286, 289–291; *Яковенко Н. М.* Персональний состав княжеской прослойки Вольни и Центральной Украины конца XIV – середины XVII вв.: Князья в свете законов и традиций // *Историческая генеалогия.* Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 51–52 (другой украинский исследователь – Л. В. Войтович, наоборот, считает князей Друцких Рюриковичами (Генеалогія династії Рюриковичів і Гедиминовичів. Київ, 1992. С. 27, 30), хотя ранее колебался в решении данного вопроса (Генеалогія династії Рюриковичів. Київ, 1990. С. 26)); *Назаров В. Д.* О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.) // *Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г.: Памяти А. П. Новосельцева.* М., 2000. С. 195 и др.

⁴⁷ *Насевіч В. [Л.]* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. С. 139; *Насевіч В. [Л.]* Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV–XV стст.). С. 83–104; *Любы А. [У.]* Цэнтры ўнутрыпалітычнай барацьбы 1430–х гг., як

данном случае позиция Н. Н. Яковенко, В. Д. Назарова и других не основана на критической проверке выводов своих предшественников по известным в настоящий момент источникам. По сути дела, произошла формальная поддержка одного из знакомых им мнений в историографии по данному вопросу.

Версия о происхождении князей Друцких от Гедиминовичей опирается на далеко не всегда удачно обоснованные генеалогические реконструкции и тождества лиц польского генеалога Ю. Пузыны⁴⁸. Точку зрения последнего о происхождении одной из ветвей князей Друцких от князя Дмитрия Ольгердовича разделял такой авторитетный исследователь, как С. М. Кучиньский. Помимо монографии⁴⁹, он последовательно отразил ее также и в энциклопедических статьях⁵⁰. Это и предопределило ее живучесть в историографии XX в.⁵¹ При этом сторонниками литовской версии происхождения князей Друцких данные помянника князя Д. И. Путятича-Друцкого либо полностью игнорировались, либо, очевидно, они просто не знали о его существовании.

Дмитрий Михайлович, внук друцкого князя Михаила Даниловича, упоминается (правда, без отчества) лишь в 1372 г. как действующий правитель Друцка. Вместе с полоцким князем Андреем Ольгердовичем он участвовал в походе на земли Владимирского и Московского великих княжений⁵². Данное свидетельство источников объясняет, почему в 70-е г. XIV в. князь Василий Михайлович Друцкий мог быть послухом в пожаловании великого князя Андрея Ольгердовича и по какой причине в акте он был указан без отчества. (Очевидно, что в это время князь В. М. Друцкий еще не занимал старейший стол⁵³). Позднее, по-видимому, оба сына князя М. М. Друцкого косвенно могли быть названы в хронике Германа из Вартберга. Он отмечает, что в 1374 г. в походе русско-литовской рати под командованием князя Андрея Ольгердовича на орденский замок Динабург, расположенный на р. Западная Двина, принимали участие князья полоцкие и «одриские». В последних, без сомнения, следует видеть именно друцких династов, а не каких-либо других князей (включая неудачные отождествления в польской историографии друцкого князя в 1374 г. то с князем Дмитрием Ольгердовичем, то с его братом Скиргайло (Иваном))⁵⁴.

У князя В. М. Друцкого было несколько сыновей. Первый из них — Лев — был «швагром» князя Витовта Кейстутовича. Известно, что 30 января 1384 г. князь Лев Друцкий принимал участие в заключении союзного договора своего сюзерена с крестоносцами, который был направлен против короля Владислава II Ягайло и его братьев. Княжеская печать Льва Друцкого была приложена к тексту договора, наряду с буллами «новгородского» князя Юрия Наримантовича и литовского боярина Судемунта

вырашэнне супярэчнасцяў цэнтральнай і зямскай улады // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі / Пад рэд. Н. У. Сліж. Мінск, 2007. С. 68.

⁴⁸ *Ruzyňa J.* O pochodzeniu kniazia Fedka Nieświńskiego // *Miesięcznik Heraldyczny*. 1911. №. 5–6. S. 78–80.

⁴⁹ *Kuczyński S. M.* Ziemie Czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936 (по указ.).

⁵⁰ *Kuczyński S. M.* Dymitr Olgierdowicz Starszy // *Polski słownik biograficzny*. Kraków, 1946. Т. 6/1. Zesz. 26. S. 57, 58; *Kuczyński S. M.* Dymitr Olgierdowicz Młodszy // *Polski słownik biograficzny*. Kraków, 1946. Т. 6/1. Zesz. 26. S. 58.

⁵¹ См., например: *Kosman M.* Historia Białorusi. Wrocław; Warszawa etc, 1979. S. 63 и др. Данная ошибочная точка зрения сильно повлияла на литовскую историографию, в энциклопедических статьях которой также неверно утверждается, что князь Дмитрий Ольгердович стал править Друцком в 1345 г. (*Dmitrijus Algirdaitis* // *Lietuviškoji tarybinė enciklopedija*. Vilnius, 1978. Т. III. S. 125; Дмитрий Ольгердович // *Литва: Краткая энциклопедия*. Вильнюс, 1989. С. 238).

⁵² ПСРЛ. Т. XVI. Вып. 1. Стб. 99–100. Л. 308–308 об. Разбор точек зрения по данному вопросу в польской историографии см.: *Nikodem J.* Uposażenie młodszych Olgierdowiców. S. 11–14.

⁵³ К сожалению, ошибочное мнение В. Л. Насевича, будто бы князь Василий был старше своего брата Дмитрия, без критической проверки отражено во всех современных белорусских энциклопедических статьях о князьях Друцких, автором которых он является (*Насевич В. Л.* Друцкія // *Беларуская энцыклапедыя ў 18 тт.* Т. VI. С. 223; *Насевич В. Л.* Друцкія // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*. Т. III. С. 295 и др.).

⁵⁴ В XIV в. княжение в Дриссе совершенно неизвестно. Поэтому абсолютно ошибочным является предложение интерпретировать упоминание в тексте хроники Германа из Вартберга князей «одриских» как правителя или правителей Дриссы (Белоруссия в эпоху феодализма М., 1959. Т. I: С древнейших времен до середины XVII в. № 26. С. 84. Примеч. 2; Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. / Сост.: Л. В. Милов, А. И. Рогов, М. Н. Тихомиров; Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960. С. 683. Примеч. 6), а не Друцка, как ранее было верно подмечено в историографии, начиная еще с В. Е. Данилевича (*Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896. С. 163; *Воронін В. [А.]* Друцкія князі XIV ст. С. 23; подробный разбор историографии вопроса см.: *Nikodem J.* Uposażenie młodszych Olgierdowiców. S. 6–7. Koment. 4. S. 8, 10–15).

из Вейшишек. Вместе с ними, князем И. О. Гольшанским и рядом бояр, также служивших у Витовта, князь Лев Друцкий остался в заложниках у крестоносцев⁵⁵. Учитывая то обстоятельство, что Витовт первым браком был женат на Анне, дочери великого князя смоленского Святослава Ивановича⁵⁶, можно полагать, что его родственные отношения с князем Львом Друцким могли строиться и через данную ветвь Ростиславичей.

Отчество князя Льва Друцкого выясняется благодаря поручной грамоте русско-литовской знати великому князю Скиргайло Ольгердовичу за некоего Гридка Константиновича. Согласно источнику, князья и бояре «вынали его на свои рук(и) за побѣгъ и за все лихое». Среди князей-поручников в акте были упомянуты: «кнѣз(ь) Михаило Евнутевич(ь)», кнѣз(ь) Василий Михайлович(ь), кнѣз(ь) Иванъ Городецькии, брат(ь) юго кнѣз(ь) Юрьи, Левъ Плаксич(ь), **Левъ Васильевъ с(ы)нъ** (выделено мной. — А. К.), Рус(и)нъ Плаксич(ь), кнѣз(ь) Федоръ Миркли, брат(ь) его Дмитрии Липата, Брат(ь)ша, кнѣз(ь) Юрьи Кожюшно...»⁵⁷. Документ датируется прежде 1390 или около 1392 г., т. е. до подчинения Витебского и Друцкого княжеств власти Витовта⁵⁸. Среди упоминаемых выше князей, как свидетельствует текст, отцом Льва Друцкого, безусловно, может являться только Василий Михайлович, единственный из князей, упоминаемый в акте с именем Василий. Это весьма важное свидетельство источника до сих пор неверно трактуется исследователями⁵⁹. Наиболее фантастичным из толкований представляется мнение Ю. Пузыны, который предлагает отождествить упоминаемых в данном акте князей Льва Васильевича и Льва Плаксича⁶⁰. Между тем данное свидетельство актового источника как раз, наоборот, его опровергает. Мнение Ю. Пузыны и Н. Н. Яковенко о происхождении одной из ветвей рода князей Друцких от князя Андрея Ольгердовича и его предполагаемого сына Льва следует считать досадным курьезом⁶¹.

Глеб, следующий сын князя В. М. Друцкого, по-видимому, входил в ближайшее окружение великого князя Андрея Ольгердовича, который сначала осенью 1377 г. отъехал в Псков⁶², а зимой 1377—1378 г. транзитом через Великий Новгород впервые оказался в Москве. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», в 1380 г. князь Глеб Друцкий участвовал в битве на Куликовом поле⁶³. По-

⁵⁵ Любавский М. К. Литовско-Русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1901. С. 16—17; Малиновский И. Рада Великого Княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Томск, 1904. Ч. 2: Рада Великого Княжества Литовского. Вып. 1. С. 87; Воронін В. [А.] Друцкія князі XIV ст. С. 26. (О достоверности данного акта см.: Przynki krytyczne do dziejów unii. S. 30—31. О существующих в польской историографии точках зрения по данному вопросу см.: Nikodem J. Uposażenie młodszych Olgiardowiczów. S. 13. Koment. 40.)

⁵⁶ Kuczyński S. M. Dymitr Olgiardowicz Młodszy. S. 159.

⁵⁷ Розов В. Українські грамоти. Київ, 1928. Т. I: XIV в. і перша половина XV в. № 25. С. 46—47; см. также: Грамоти XIV ст. № 54. С. 108. В связи с данными о генеалогии князей Друцкого дома, приведенными в поручной записи о Гридке Константиновиче, теперь вряд ли следует колебаться в вопросе о возможном тождестве князей Глеба и Льва Друцких. Это тождество лиц, конечно, ошибочно и прямо противоречит сведениям источников, что не было отмечено польским генеалогом Я. Тенговским в последней обобщающей работе по ранней генеалогии Гедиминовичей (ср.: Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Gedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. S. 74—75, 77—78).

⁵⁸ Ср.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1863. Т. I: 1361—1598. № 2. С. 2; Розов В. Українські грамоти. Т. I. № 25. С. 46—47; Prochaska A. Przynki krytyczne do dziejów unii. S. 44 и др.

⁵⁹ Подборку мнений по данному вопросу см. в ст.: Воронін В. [А.] Друцкія князі XIV ст. С. 25—27.

⁶⁰ Ruzyna J. Potomstwo Narymunta Gedyminowicza // Miesięcznik Heraldyczny. Warszawa, 1931. Roc 10. № 3. S. 195—199.

⁶¹ Яковенко Н. Н. Персональный состав княжеской прослойки Волыни и Центральной Украины конца XIV — середины XVII вв.: Князья в свете законов и традиций // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 51. Схема II. Точно таким же историографическим курьезом стоит считать предположение некоторых историков, основанное на известии поздней Хроники Быховца, что «Андрей Ольгердович мог владеть Трубчевском наряду с Полоцком» (см., например: Русина Е. В. Персональный состав северских князей во второй половине XIV в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1993. Вып. 2. С. 15).

⁶² ПСРЛ. Т. III. С. 375. Л. 225; Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5—6. С. 73.

⁶³ ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. С. 133. Л. 233; Kuczyński S. M. Dymitr Olgiardowicz Młodszy S. 159. Przyp. 360; Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 104 и др. Князь Глеб Друцкий также упоминается в Летописной и Распространенной редакциях, редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина «Сказания о Мамаевом побоище» (подробнее см.: Повести о Куликовской битве. С. 90, 135; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 89; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 272). Появление ошибочного чтения князь Глеб «Брянский» вместо «Друцкий», очевидно, могло возникнуть из-за дефекта в тексте одного из протографов списков Летописной редакции, ставшей, как известно, одним из источников «Сказания». Примером зарождения данного дефекта является Лондонский список Вологодско-Пермской летописи, где среди

видимому, он не вернулся в Полоцк (остался при князе Михаиле Андреевиче?) или предпочел после пленения своего сюзерена вернуться в Москву⁶⁴.

Для вечного поминания имя князя Глеба Васильевича Друцкого было внесено в Ростовский соборный синодик (известен в списке 1642 г.). Здесь его имя записано среди князей-союзников и князей, находившихся на службе у великих князей владимирских и московских Дмитрия Донского и его сына Василия I⁶⁵. Данное свидетельство авторитетного источника заставляет отвергнуть утверждение, будто, помимо «Сказания о Мамаевом побоище», «другим источникам князь Глеб Друцкий, живший в XIV в., неизвестен»⁶⁶. Запись о гибели князя Г. В. Друцкого в битве под Лысковым против нижегородско-суздальских князей, произошедшей 15 января 1411 г., сохранил текст синодика Успенского собора Московского Кремля⁶⁷.

В связи с этим становятся бессмысленными попытки тождества князя Глеба Брянского с Глебом Святославичем († 1340)⁶⁸, или с Романом Михайловичем Черниговским († 1401)⁶⁹, или даже — с Дмитрием Ольгердовичем († 1399)⁷⁰, так как ясно, что первый из них — исключительно литературный персонаж, рожденный под пером переписчика «Сказания».

Выяснение биографии князя Г. В. Друцкого опровергает тождество двух лиц — друцких князей Льва и Глеба. Установление подлинного отчества князя Г. В. Друцкого доказывает также ошибочность выводов, что братья Лев и Глеб были сыновьями великого князя полоцкого и трубчевского Андрея Ольгердовича⁷¹ или его брата брянского и трубчевского князя Дмитрия⁷².

Не менее заметным человеком был еще один сын князя В. М. Друцкого — Андрей. Очевидно, что у него был земельный спор из-за границ поля с князем Свидригайлом Ольгердовичем (согласно другой интерпретации в документе идет речь о виленском епископе Андрее Ястржембце). После обращения обеих сторон данное дело разбирал великий князь Витовт Кейстутович. Очевидно, что суд выиграл князь А. В. Друцкий, а не Гедиминович, так как именно «Андрею сюю нашу грамоту и печать свою приложили». Документ был выдан «у великий четвертокъ Априля у 3 день 6898 году». Поскольку в тексте Витовт титулуется великим князем, то сомнительно вслед за И. И. Срезневским и М. М. Пещак датировать его 1382 г.⁷³ Представляется, что ближе к истине были первые издатели данного акта, отнесшие составление этого документа к 1390 г.⁷⁴ (согласно мнению польского исследователя Е. Охманьского, «может быть, 3. IV. 1393»⁷⁵). Данный вывод, помимо текста самого

московских воевод упоминают князя «Гле... Дрючьсага» (ПСРЛ. Т. 26. С. 333). Кроме того, не исключено, что путаница могла быть вызвана непониманием писцами графики письма предшествующего текста, когда букву «Д» они могли принять за «Б», из-за чего пришлось менять юсы и увидеть в низко посаженной на одну мачту «Ч» букву «Н» (Для сравнения можно посмотреть написание «кн(▲)зи Глѣба Бранскаго» по изданию: «Сказание о Мамаевом побоище»: Лицевая рукопись XVII в. из собрания ГИМ. М., 1980. Л. 36 (бывш. 44)).

⁶⁴ Кузьмин А. В. Фамлии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волыньские, Липятины) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11. С. 740.

⁶⁵ РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 51; Конев С. В. Синодология. Ч. 2. С. 102. В связи с этим все конъектуры к тексту «Сказания», где упоминается князь Г. В. Друцкий, наконец, теряют всякий смысл.

⁶⁶ Памятники Куликовского цикла. С. 272 [Комментарий В. А. Кучкина].

⁶⁷ Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 452.

⁶⁸ См., например: Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 255–256.

⁶⁹ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова» / Ред.: Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. Л., 1966. С. 492–493; Сказания и повести о Куликовской битве. С. 399; Русина Е. В. Персональный состав северских князей во второй половине XIV в. С. 16; Русина Е. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 95–96.

⁷⁰ Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва. Воронеж, 2006. С. 66. Примеч. 33, С. 68.

⁷¹ Kuczyński S. M. Dymitr Olgiardowicz Młodszy. S. 159, 160, 246.

⁷² Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 74–78 (Ср.: Nikodem J. Uposażenie młodszych Olgiardowiczów. S. 13–15).

⁷³ Грамоты XIV ст. № 30. С. 61 (с датой — 1382 г.).

⁷⁴ Чертков А. Д. Грамота великого князя Витовта 1390 г. // Временник ОИДР. М., 1849. Кн. 3. Отд.: Смесь. С. 5–6; Жена Витовта («Anna Dei gratia ducissa Lithuaniae, domina Trocensis, Luczensis etc.») с титулом великой княгини фигурирует в источниках начиная с 1392 г. (Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791. № 30–31. S. 27–29). Этот год совпадает со временем начала чеканки великим князем Витовтом собственной монеты (*Remecas E. Vilniaus žemutinės pilies pinigų lobis* (XIV a. pabaiga). Vilnius, 2003).

⁷⁵ Vitoldiana. № 11. S. 17–18.

источника, дополнительно можно подтвердить еще одним аргументом. Именно в 1390 г. князю Витовту удалось захватить Полоцк и лишити власти в нем соправителя польского короля Владислава II Ягайло в ВКЛ — великого князя Скиргайло Ольгердовича⁷⁶. Статус владельцев Полоцка был достаточно высок. Не стоит забывать, что именно правители Полоцка, как свидетельствуют грамоты и упоминания о них Андрея, Онуфрия, Андрея Ольгердовича и Семена (Андреевича?), титуловались великими князьями⁷⁷, а в глазах орденских хронистов они были «королями»⁷⁸.

12 августа 1399 г. князь А. В. Друцкий погиб в битве с ордынцами хана Темир-Кутлуя и эмира Едигея на р. Ворскле. В летописных текстах и синодиках он фигурирует как пасынок князя Дмитрия Ольгердовича⁷⁹ (а не северского князя Дмитрия-Корибута Ольгердовича, как ошибочно отмечается в ряде работ⁸⁰). Этой особенностью его запись в источниках отличается от упоминания другого погибшего здесь представителя друцкой династии — князя Ивана Дмитриевича Киндыря⁸¹. Данные свидетельства источников прямо указывают на то, что во втором браке бывший правитель Брянска был женат на вдове князя В. М. Друцкого, а не его старшего брата Дмитрия (ряд исследователей традиционно ошибочно отождествляют участника похода на Москву в 1372 г. друцкого князя Дмитрия Михайловича (чаще — мифического Дмитрия Васильевича) с брянским и трубчевским князем Дмитрием Ольгердовичем⁸²). В начале XV в. старшая ветвь князей Друцких далее бездетных сыновей князя А. В. Друцкого, унаследовавших его владения в 1399 г., не пошла. Они умерли молодыми еще до 19 апреля 1411 г. Великий князь Витовт передал часть их вымороченных владений за службу — одну половину в Блужах, находившуюся в Кревском повете, Виленскому капитулу⁸³.

Важное свидетельство летописей о порядке старшинства в роде князей Друцких говорит в пользу того, что к 1398–1399 г. князь Василий Михайлович уже умер. (По-видимому, последний раз в актах этот друцкий князь был упомянут около 1392 г., когда вслед за изяславским князем Михаилом Евнутьевичем он, «князь Василий Михайлович», был назван в числе первых, кто поручился «за Гридка за Костянтиновича»⁸⁴.) На этот вывод наводит анализ перечня русско-литовских князей 1398 г., которые со стороны своего сюзерена, великого князя Витовта Кейстутовича, участвовали в заключении Салинского договора. Здесь были поименованы: «Woldemir, patrius dicti ducis Alexandri, Sigismundus, frater eisdem dicti domini ducis Alexandri, Georgius de Pinska, Michael de Zasla, Alexander de Staradup, Iwan de Golscha, **Iwan de Drutzk** (выделено мной. — А. К.), duces, Jamunt de Cletzke...»⁸⁵. Указанный среди них друцкий князь Иван — это, несомненно, князь Иван Дмитриевич Киндырь. Поскольку все указанные вместе с

⁷⁶ Ясинский М. [Н.] Уставные земские грамоты. Киев, 1889. С. 53.

⁷⁷ Об особенностях употребления титулов и упоминаний в источниках литовских князей в XIV в. см. в работе: Prochaska A. Przyczynki krytyczne do dziejów unii. S. 3–9. В целом эта традиция близка той, которая бытовала в Северо-Восточной Руси в середине XIV–XV в.

⁷⁸ Сагановіч Г. «Русь» у вайне з Нямецкім ордэнам (канец XIII — пачатак XV ст.) // Беларускі гістарычны агляд. Менск, 2001. Т. VIII. Сш. 1–2 (14–15). С. 13.

⁷⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 386. Л. 255–255 об.; ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 517. Л. 440 об.; ПСРЛ. Т. XXV. С. 229. Л. 321.

⁸⁰ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 145; Wolff J. Ród Gedymina. Kraków, 1886. S. 153; Линниченко И. А. Запись XV в. // Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским Археологическим обществом. М., 1895. Т. III. № 12. С. 423; Насевич В. Л. Род князей Друцких у гісторыі Вялікага княства Літоўскага. С. 89–90; Насевич В. Л. Друцкае княства і князі Друцкія. С. 52; Друцкія // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т. I. С. 600 и др.

⁸¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 386. Л. 255–255 об.; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 517. Л. 440 об.; ПСРЛ. Т. XXV. С. 229. Л. 321.

⁸² Lietuviškoji tarybinė enciklopedija. T. III. S. 125; Литва: Краткая энциклопедия. С. 238; Tegowski J. Pierwsze pokolenia Gedyminowiczów; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. С. 95, 111, 127, 131–132, 136, 151, 154 и сл.

⁸³ Другая половина владения Блужи осталась принадлежать соседу князей Друцких пану Румбольду Волимунтовичу (Vitoldiana. № 23. S. 30–31; Ochmański J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa wileńskiego (1387–1550): Ze studiów nad rozwojem wielkiej własności na Litwie i Białorusi w średniowieczu. Poznań, 1963. S. 56–57).

⁸⁴ Розов В. Українські грамоти. Т. I. № 25. С. 46–47; Грамоти XIV ст. № 54. С. 108.

⁸⁵ Цит. по кн.: Малиновский И. Рада Великого Княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Ч. 2. Вып. 1. С. 33.

ним лица были владельческими князьями, то можно сделать вывод, что участие князя И. Д. Киндыря Друцкого в договоре было связано с тем, что до 1398 г. он получил старейший стол в Друцком княжестве.

Косвенно на существование старейшего стола в Друцке и его деление на «дѣльницы» указывает 28-я книга записей (1522–1552) Литовской Метрики, где сохранилось подтверждение от 20 ноября 1541 г. князю С. Б. Одинцевичу листа «еднального с княз(ь)ями Друцкими з стороны держаня замьку ихъ Друцкого». Согласно данному документу, князь С. Б. Одинцевич, наряду с князьями В. Ю. Толочинским и А. И. Озерецким, получил старинное право на держание доли в Друцком замке от «дня светого Николы» сроком на 1,5 года: «А какъ тотъ замокъ полтора года выдержитъ, тогда онъ брати своей, кн(я)земъ друцким, тотъ замокъ имъ в держанье поступити. И кождый з них, кн(я)зей друцких, по годома того замьку маюта в держаньи быти. И тую вгуду и еднанье межы себе маюта они сами и потомки ихъ водле листу еднального вечно держати, ничего не отступуючы того листу своего еднального»⁸⁶. Данный принцип родового раздела города на «дельницы» («дольницы») известен и в других городах ВКЛ. На рубеже XIV–XV в. он зафиксирован в Новгородке Литовском (с отсылкой в источнике на ситуацию, по крайней мере, второй половины XIV в.⁸⁷) и Трубчевске⁸⁸. Здесь, как и в городах Северо-Восточной Руси, также существовала третная система, по-видимому, уходящая своими корнями в домонгольское время.

Итак, становится очевидным, что князь В. М. Друцкий, дядя князя И. Д. Киндыря Друцкого, сидевший на старейшем столе еще до своего племянника, не мог ни в 1400, ни в 1401 г. сделать какой-либо вклад в церковь Пресвятой Богородицы. Очевидно, что он умер между 1394 и 1398 г. и не являлся в это время правителем Друцка (до своей гибели на старшем Друцком столе сидел князь Иван Киндырь, а после 12 августа 1399 г. — его младший брат Семен Дмитриевич). Таким образом, вдова князя Василия Михайловича вновь смогла выйти замуж за князя Дмитрия Ольгердовича между 1394 и 1398 г.

Анализ данных о представителях князей Друцкого дома за XIV в. свидетельствует, что предположение А. А. Турилова о датировке вклада князя В. М. Друцкого и времени написания Друцкого Евангелия 1400–1401 г. не находит серьезной аргументации в источниках. Биографии князя В. М. Друцкого и его жены княгини Василисы противоречат данной датировке. Следует отказаться от предложенной А. А. Туриловым датировки памятника 1400–1401 г. Не подтверждается также мнение тех исследователей, которые относят время составления записи в Друцком Евангелии к первой половине XIV в. Таким образом, правомочно вернуться к датировке составления данного источника во второй половине, точнее, в последней четверти XIV в.

В списке убиенных на брани в 1399 г. друцких князей Иван Дмитриевич Киндырь записан раньше, чем Андрей Васильевич. Это, несомненно, свидетельствует в пользу того, что друцкий князь Дмитрий Михайлович старше, чем его брат Василий. Данный вывод позволяет по-новому подойти к оценке датировки жалованной, данной с отводом (рубежом), заповедной грамоты великого князя полоцкого Андрея Ольгердовича боярам Ф. Ф. и Д. Ф. Корсакам на село Семенцово на Берязвичи.

Учитывая время отъезда князя Г. В. Друцкого (вместе с великим князем Андреем Ольгердовичем через Псков и Новгород в Москву, о котором прямо упоминают летописи), выдачу полоцким князем грамоты Корсакам следует относить к событиям до осени 1377 г., точнее, датировать ее 1-й половиной 70-х г. XIV в. — до 1377 г.⁸⁹ Этому факту, безусловно, не противоречит и упоминание в акте других

⁸⁶ Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552): Кніга запісаў 28 (Копія канца XVI ст.). Менск, 2000. № 7. С. 54–55. (О споре 1548 г. между князьями разных ветвей Друцких см.: *Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI w. Warszawa, 1887. S. 51*).

⁸⁷ *Vitoldiana. № 7. S. 11–12.*

⁸⁸ Трубчевское княжество существовало на Руси еще до перехода под власть Гедиминовичей. Согласно документам середины — второй половины XV в., старейший стол в Трубчевске делился на половины, одна из которых по распоряжению великого князя литовского могла одновременно отдаваться в держание сразу двум князьям (РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 573; *Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 46*).

⁸⁹ По мнению В. А. Воронина, высказанному, правда, без приведения каких-либо аргументов, выдачу данного акта следует относить к 1377 г. (*Воронін В. [А.] Друцкія князі XIV ст. С. 11*).

послухов — видных литовских бояр Гирденя Любецкого и Братоши, последний из которых в 80—90-е г. служил в боярах уже у других князей.

Возможно, на составление записи в 70-е г. XIV в. указывает еще один факт. В начале грамоты великого князя Ольгерда к Константинопольскому патриарху Филофею, составленной в 1371 г., упоминается о возвращении в ВКЛ литовского посла по имени Феодор⁹⁰. Не исключено, что в данном случае источником мог быть назван отец бояр Федора и Дмитрия Корсаков. В пользу такого тождества лиц свидетельствует и высокий статус Полоцкой земли в составе ВКЛ, и то обстоятельство, что князь Ольгерд именно из этого региона Руси отправился на великокняжеский стол в Вильно.

Отсутствие в записи о даче великого князя полоцкого Андрея Ольгердовича Троицкому монастырю на р. Званицу (от озера Звана до р. Дриссы) и бобровые гоны послухов косвенно указывает на ее большую архаичность по сравнению с предыдущей, на более ранний характер ее составления. В связи с этим в ее предполагаемой датировке между 1350 и 1378 или 1381 и 1387 г. с уверенностью следует отказаться от второго периода и отнести время составления записи к основной эпохе правления в Полоцке князя Андрея Ольгердовича, т. е. до его выезда на службу в Псков осенью 1377 г.

Выяснение обстоятельств составления данного княжеского пожалования в Полоцке косвенно также помогает уточнить время создания от имени князя Василия Михайловича вкладной записи в Друцком Евангелии-Апракосе. Очевидно, что оно не выходит за рамки 70—80-х или начала 90-х г. XIV в., ибо в середине — конце 90-х г. XIV в. самостоятельно действуют и фигурируют в источниках уже лишь дети этого правителя Друцка, а также его ближайшие родственники. На этот факт косвенно указывает и место создания Друцкого кодекса. Подобно более раннему пергаменному Полоцкому Евангелию-Апракосу из собрания М. Н. Погодина, он был также написан в Великом Новгороде. Об этом свидетельствуют как языковые явления, отразившиеся в тексте данного памятника⁹¹, так и «возможная принадлежность Друц. к кругу списков, куда входит и Архангельское Евангелие 1092 г.»⁹². Последняя особенность, несомненно, была тесно связана именно с древней Новгородской епархией.

Князь Василий Михайлович, заказчик и вкладчик Друцкого Евангелия, очевидно, попал в Великий Новгород на короткий срок, о чем свидетельствует тот факт, что к работе по созданию данного кодекса одновременно было привлечено несколько профессиональных писцов. Подобные форс-мажорные обстоятельства могли быть вызваны тем, что сюзерен князя Василия Михайловича — полоцкий великий князь Андрей Ольгердович — посетил Великий Новгород на короткое время. Обращаясь к биографии этого одного из самых известных внуков великого князя Гедимина, можно установить, что в жизни великого князя Андрея Ольгердовича было всего два кратких посещения Великого Новгорода: первое произошло в зиму 1377—1378 г.⁹³ перед его отъездом в Москву в 1379 г.⁹⁴, второе — во время переговоров с новгородцами в 1394 г. Поскольку последняя дата не укладывается в период, когда источники упоминают князя В. М. Друцкого, то предпочтительнее, конечно, выглядит первая из дат. Косвенно она подтверждается участием князя Г. В. Друцкого на стороне московских князей в битве на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Это свидетельствует о том, что в данное время представители рода князей

⁹⁰ РИБ. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. VI: [Приложения.] № 24. Стб. 135—136.

⁹¹ Панин Л. Г. Друцкое Евангелие XIV в. (к исследованию языка и состава чтений). С. 64—71; Лосева О. В. Русские Месяцесловы XI—XIV вв. С. 37—38.

⁹² Панин Л. Г. К анализу повторяющихся чтений в Друцком Евангелии (на материале Мф. 25) // Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, 2005. Вып. 24: Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв.: Сб. научных трудов / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. С. 203. О. В. Лосева отмечает, что «по составу к... группе родственных новгородских календарей примыкает месяцеслов западнорусского Друцкого Евангелия...» (Лосева О. В. Русские Месяцесловы XI—XIV вв. С. 37).

⁹³ Ср.: Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 107; Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. М., 1980. С. 133; Флора Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. С. 158—159.

⁹⁴ Kolankowski A. Polska Jagiellonów: Dzieje polityczne. Lwów, 1936. S. 12, 26.

Друцких входили в окружение полоцкого великого князя Андрея Ольгердовича, а следовательно, вместе с ним по дороге из Пскова в Москву действительно могли посетить Великий Новгород в 1378 г.

Грамота (письмо) жены великого князя Андрея Ольгердовича и их детей, князей Семена и Ивана Андреевичей, в Рижский городской совет с просьбой о выдаче ее пушнины купцам Проньке и Кольцу

По мнению А. Л. Хорошкевич, данный документ не следует датировать широко — концом XIV в. (как это предлагали делать С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов). Время составления данного акта следует относить «ко времени после мая — июня 1385 г., когда погиб третий известный по летописям» сын князя Андрея Ольгердовича — Михаил. Учитывая титул княгини («великая») и упоминание двух ее детей, А. Л. Хорошкевич полагает, что период между весной 1387 — осенью 1389 г. был временем составления этого письма. Положение, побудившее княгиню составить данный документ, «было далеко не блестящим». Об этом свидетельствует его крохотный формат, а также то обстоятельство, что к грамоте были «привешены уже не свинцовые печати, как это было на предшествующих грамотах... но воцанье, привешены они не на шелковых нитях, но простых льняных»⁹⁵.

Проверка данных аргументов для датировки акта показывает некоторую их уязвимость. Прежде всего, сомнителен вывод А. Л. Хорошкевич о том, чтобы, вопреки всей предшествующей и последующей историографии⁹⁶, считать князя Михаила Андреевича младшим, а не старшим сыном великого князя полоцкого Андрея Ольгердовича (по отношению к его братьям Семену и Ивану Андреевичам)⁹⁷. Его первенство перед родными братьями доказывается также выдачей одного акта Полоцкому во имя св. Петра «на Мосоры», о чем сохранила свидетельство Полоцкая ревизия 1552 г.⁹⁸ Отсутствие в городе князя Михаила Андреевича совпадает со временем возвращения в Полоцк его отца великого князя Андрея Ольгердовича. По данным новгородских летописцев, зимой 1385—1386 г. вместе «с немци с лифлянты, с всею латыголюю» великий князь приходил «на Литовскую землю и, повоевав, много пожже мест и сел»⁹⁹. В феврале 1386 г. войска крестоносцев смогли дойти до окрестностей Вильно, а Андрею Ольгердовичу удалось подчинить своей власти Лукомль¹⁰⁰. В начале 1386 г. «князь Святослав смоленский совет с князем Андреем полоцким сътвори: он в Литву, а князь Святослав ко Руси»¹⁰¹. Это не могло не тревожить великого князя литовского. В 1387 г. его войска повторно захватывают владения Андрея¹⁰². Как отмечает новгородский летописец: «А Скиригаило, братъ Ягаиловъ, ходилъ ратью с Литовскою силою и с Немечкою подъ Полтескъ, и взя город; и Ондреева сына оубиша, а самого Ондрея, брата своего, изнималъ и в Литву свель»¹⁰³. Обстоятельства этого пленения раскрывает псковский источник: «...князя Андрея Олгердовича князь Скиригаило, брат его, пойма перелестию в Полотске»¹⁰⁴, и он окончательно лишился Полоцкого княжества. По приказу польского короля Владислава-Ягайло его сводного брата посадили в тюрьму. Местом заточения князя Андрея Ольгердовича стал замок в Хенчинах¹⁰⁵. На

⁹⁵ Хорошкевич А. Л. Комментарий. С. 160; Хорошкевич А. Л. Печати полоцких грамот XIV—XV вв. С. 133.

⁹⁶ Kuczyński S. M. Dymitr Olgierdowicz Młodszy. S. 246. Tabl; Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów. Warszawa, 1968. S. 11; Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. С. 286. Схема II и др.

⁹⁷ Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. С. 286; Яковенко Н. М. Персональный состав княжеской прослойки Волыни и Центральной Украины конца XIV — середины XVII вв. С. 51; Tegowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 67—72.

⁹⁸ Лаппо И. И. Полоцкая ревизия 1552 года. С. 173; Макарий (Булаков), митр. История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 105.

⁹⁹ В результате данной военной операции к 2 февраля 1386 г. Андрей захватил район вокруг городов Вильно и Ошмяны (Хорошкевич А. Л. Комментарий. С. 149).

¹⁰⁰ Kolankowski A. Polska Jagiellonów: Dzieje polityczne. S. 19; Длугош Ян. Грюнвальдская битва. М., 1962. С. 8.

¹⁰¹ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 88. Л. 449 об.; См. также: Там же. С. 99. Л. 66—66 об.; С. 136. Л. 78—78 об.; С. 154. Л. 254 и др.

¹⁰² Подробнее см.: Хорошкевич А. Л. Комментарий. С. 149—150.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 347. Л. 238 об. под 6894 г. (мартовский стиль).

¹⁰⁴ Там же. Т. V. Вып. 2. С. 29. Л. 178; См. также: Там же. С. 106. Л. 39 об.

¹⁰⁵ Kolankowski A. Polska Jagiellonów: Dzieje polityczne. S. 19, 26; Хорошкевич А. Л. Комментарий. С. 160; Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. S. 60—61.

свободу бывший полоцкий князь был отпущен не ранее конца зимы 1393—1394 г. Ведь лишь 18 февраля 1394 г. от имени старших в роде князей Гедиминовичей (великого князя Витовта Кейстутовича, Скиргайло, Владимира и Федора Ольгердовичей) за него на имя короля Владислава II Ягайло была составлена поручная запись¹⁰⁶.

Поскольку князь Михаил Андреевич был убит на службе в Москве в 1385 г., то неназванным по имени сыном Андрея Ольгердовича, скончавшимся при взятии Полоцка войсками князя Скиргайло Ольгердовича, мог быть только князь Семен Андреевич. Позднее 1387 г. в источниках фигурирует лишь князь Иван Андреевич и его сын Александр Иванович. Именно это обстоятельство заставляет передатировать грамоту жены великого князя полоцкого и ее детей князей Семена и Ивана Андреевичей в рижский городской совет с просьбой о пушнине. Документ, по всей вероятности, был составлен не весной 1387 — осенью 1389 г., как предполагает А. Л. Хорошкевич (когда в Полоцке установилась власть литовского князя Скиргайло Ольгердовича), а ранее — в октябре — ноябре 1385 г., когда полоцкий великий князь Андрей Ольгердович отсутствовал в городе¹⁰⁷.

**Запись духовной грамоты Ивана Никоновича Дементьева церкви святой Троицы на
земельные угодья на р. Полоте и в Полоцке;
Запись о даче князем Андреем Даниловичем церкви святой Троицы сельца на
«Просмужди»**

По мнению Л. В. Столяровой, обе полоцкие грамоты были записаны в пергаменном Полоцком Евангелии-Апракосе (датированном концом (?) XII — началом XIII в.¹⁰⁸) приблизительно в одно и то же время, в середине — второй половине XIV в. При этом в отношении первой из грамот исследовательница отмечает: «несмотря на то обстоятельство, что выполнена она торжественным (книжным) почерком, в ней проявляется больше признаков беглости, чем в графике вкладной кн. Андрея Даниловича; увеличивается число сокращений, появляются лигатуры и размашистые линии, выводящие буквы за границы строки»¹⁰⁹. Ясно, что запись данной вкладной грамоты предшествовала записи духовной грамоты И. Н. Дементьева. Уточнение генеалогического древа старшей ветви династии князей Друцких может помочь уточнить происхождение Андрея Даниловича. Поскольку время жизни друцкого князя Даниила приходится на середину — вторую половину XIII в., то не исключено, что князь Андрей Данилович мог быть его сыном. На княжеское происхождение Андрея Даниловича также указывают его санкции в отношении князей и бояр, которые в будущем могли намереваться покуситься на его вклад. Очевидно, что полоцкий боярин позволить себе записи таких слов не мог. Если это так, то вклад князя Андрея Даниловича следует отнести к началу — первой трети XIV в.¹¹⁰

В пользу тождества и отнесения упомянутых выше лиц к данному поколению рода князей Друцких косвенно также свидетельствует время службы при великокняжеском дворе в Москве и Вильно князя Ивана Друцкого и его потомков. Еще зимой 1339—1340 г. в составе рати, посланной по приказу Ивана I Даниловича Калиты, этот князь участвовал в возглавляемом ордынским полководцем Товлубием походе на Смоленск¹¹¹. Однако в 1353 г. князь Иван Друцкий уже был назван в прошедшем времени в завещании великого князя Семена Ивановича Гордого. В этом документе правитель Москвы

¹⁰⁶ Akta unji Polski z Litwą, 1385—1791. № 35. S. 32; *Wdowiszewski Z.* Genealogia Jagiellonów. S. 10—11. В связи с данным фактом не следует принимать ошибочное утверждение С. Н. Азбелева, что «Андрей попал в плен, из которого освободился в 1389 или 1390 г.» (*Азбелев С. Н.* Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // *Летописи и хроники*, 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 85).

¹⁰⁷ Ср.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. I. № 11. С. 54.

¹⁰⁸ *Тихомиров Н. Б.* Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей ГБЛ СССР. Ч. 3. Дополнительная (XII и кон. XII — нач. XIII вв.) // *Записки Отдела рукописей ГБЛ. М.*, 1968. Вып. 30. № 19. С. 102; *Никалаеў М.* Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X—XVIII стст. Мінск, 1993. С. 76.

¹⁰⁹ *Столярова Л. В.* Из истории книжной культуры русского средневекового города XI—XVII вв. М., 1999. С. 97—99.

¹¹⁰ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI—XIII вв. М., 1984. № 195. С. 220.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 172. Л. 228.

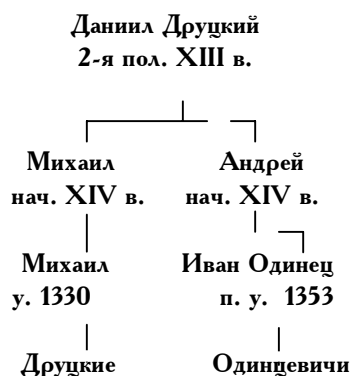
среди своих новоприобретенных владений называет «село в Дмитрове, что есмь купил оу Ивана у Дрюцьского»¹¹². Очевидно, что к этому времени князь покинул службу в Северо-Восточной Руси. По-видимому, его отъезд мог быть вызван политическими изменениями в Полоцком княжестве, где в 40-е г. XIV в. на столе появился старший сын правителя Витебска — князь Андрей.

О происхождении князя Ивана Друцкого пока можно говорить только предположительно. Правда, методом исключения выясняется, что в первой половине — середине XIV в. князь Иван Друцкий может быть тождествен только князю Ивану Одинцу.

Согласно родословию Одинцевичей-Друцких, помещенному в начале Супрасльской летописи 1520 г., заказчиками которой выступал князь Семен Иванович Одинцевич и его жена княгиня Екатерина, «князь Иван Одинец приехал з Немец» (как и в случае с князем Александром Нетшей в родословной версии Даниловых, Услумовых и Мамоновых!). В ВКЛ были «подаваны ему имена у-во Друцку». Эта ветвь князей Друцких сохранила свои связи с Московским великим княжеством. Во второй трети XV в. правнук Ивана Одинца — князь Александр Андреевич Одинцевич — вместе с сыном Григорием отъезжал из ВКЛ на службу в Москву. Как отмечает родословец, князь А. А. Одинцевич «отчизну свою Репухово и села иншии оставил у-во Друцку». Причина его действий, вероятно, объясняется близкими родственными связями князей Одинцевичей с правящей в ВКЛ династией. Правда, в борьбе за обладание ВКЛ они поддерживали не стародубского князя Сигизмунда Кейстutowича, женатого на родной сестре князей Федора и Александра Андреевичей (матери великого князя Михаила Сигизмундовича¹¹³, боровшегося в 40-е гг. XV в. за власть в ВКЛ с королевичем Казимиром IV Ягеллончиком), а литовского великого князя Свидригайло (Болеслава) Ольгердовича. 8 декабря 1432 г. в составе его войск Одинцевичи приняли участие в неудачной для них битве под Ошмянами, где один из них, князь Федор Андреевич, попал в плен к Сигизмунду Кейстutowичу¹¹⁴. Будучи по женской линии достаточно близкими родственниками великого князя Василия II Васильевича Темного, князья А. А. и Г. А. Одинцевичи могли надеяться в Москве на вполне благожелательный прием.

Отсутствие имен князей Одинцевичей в помяннике кн. Д. И. Путятича-Друцкого и князей Друцких в помянниках самих Одинцевичей указывает на то, что эти видные представители правящей элиты в ВКЛ происходили из разных, рано разделившихся ветвей общего рода. Прозвище князя Ивана косвенно свидетельствует о том, что он не мог быть сыном ни князя Даниила, ни Михаила Даниловича, ни Михаила Михайловича Друцких. Между тем его родство с князем Андреем Даниловичем с хронологической точки зрения представляется возможным.

Указанные выше сведения источников о князьях Одинцевичах-Друцких за XIV в. предположительно можно свести в следующую генеалогическую схему:

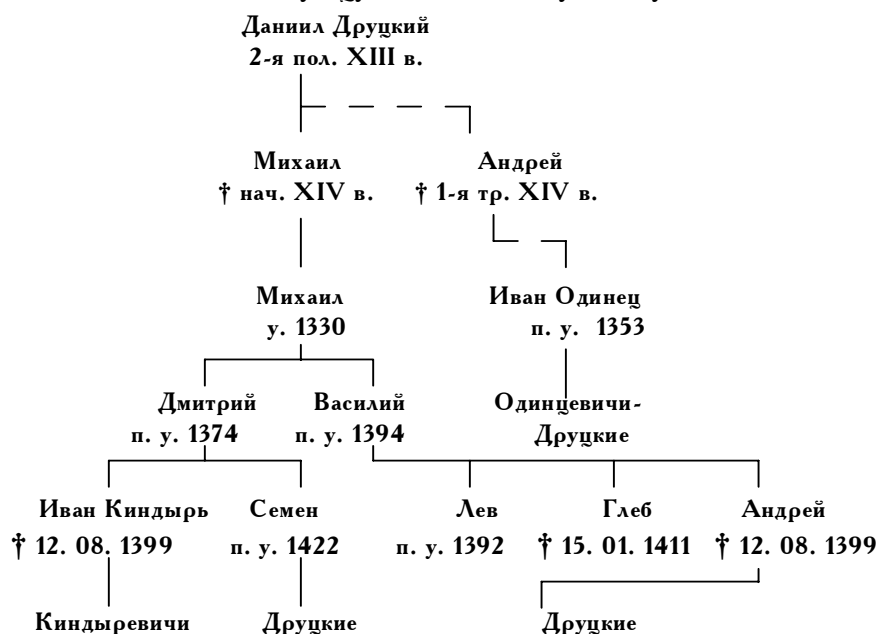
¹¹² ДДГ. М.; Л., 1950. № 3. С. 14 [Подлинник].

¹¹³ ПСРЛ. М., 1980. Т. XXXV. С. 283. Л. 2–2 об. [Приложение III].

¹¹⁴ Другим представителем друцких князей, оказавшимся, как и Ф. А. Одинцевич, в плену у великого князя Сигизмунда Кейстutowича, был сын С. Д. Друцкого — витебский наместник князь Василий Семенович Красный (Там же. С. 34. Л. 265. С. 54. Л. 74. С. 76. Л. 60 об.; С. 107. Л. 158 об.; С. 141. Л. 87 об.; С. 163. Л. 268–269; С. 189 (С. 322); С. 210. Л. 85; С. 231. Л. 507 об.; Wolff J Ród Gedymina. S. 58).

Датировка акта князя Андрея Даниловича началом — первой третью XIV в. принципиально не противоречит ни языковым, ни палеографическим наблюдениям¹¹⁵. По-видимому, ее чуть более поздний сохранившийся текст являет собой не подлинную запись княжеского пожалования, а список второй половины XIV в. с более раннего несохранившегося текста, возможно, оригинала самой грамоты.

Указанные выше сведения источников о князьях Друцких и Одинцевичах-Друцких за вторую половину XIII—XIV в. можно свести в следующую генеалогическую схему:

Время написания духовной грамоты И. Н. Дементьева относится к более позднему времени, к концу XIV — началу XV в. Об этом свидетельствуют как палеографические данные, так и то, что западнорусский боярин имел фамильное прозвище — явный признак данной эпохи (а возможно, и более позднего времени, начала — первой трети XV в.¹¹⁶).

Запись о пожаловании великим князем полоцким Онуфрием Иоанно-Предтеченскому монастырю бортовых земель и угодий на реках Сомница, Ула и Нача

Анализ данных Полоцкой ревизии 1552 г. заставляет скептически относиться к выводу о фальсификации пожалования великого князя полоцкого Онуфрия. Он поддерживается далеко не всеми¹¹⁷. Прежде всего, стоит отметить, что устав, которым в пергаменном Евангелии-Апракосе второй половины XIV в. была написана жалованная грамота князя Онуфрия, вполне соответствует нормам палеографии данного времени¹¹⁸ или, как полагают новейшие исследователи Е. В. Афанасьева и Е. М. Шварц, по крайней мере, начала (?) XV в.¹¹⁹ О достоверности текста источника, вопреки мнению о подлоге, свидетельствуют также языковые данные, отмеченные ранее Л. Васильевым¹²⁰ и А. И. Соболевским¹²¹.

¹¹⁵ Шулаева Д. П. Западнорусские приписки в рукописи ГПБ Пог. 12. С. 156–160; СКСРРК. XI–XIII вв. № 195. С. 220–221 [Библиогр. — с. 221]; Столярова Л. В. Из истории книжной культуры русского средневекового города XI–XVII вв. С. 97–99.

¹¹⁶ Устное сообщение А. А. Турилова.

¹¹⁷ АЗР. Т. I. № 14. С. 27–28 (с датой — ок. 1399); Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее повременное обозрение. Изд. 2-е. СПб., 1882. С. 290–291 (с датой — до 1400 г.); Smorąg Różycka M. Ewangeliarz Ławgyszewski. Kraków, 1999. S. 22.

¹¹⁸ Устное сообщение А. А. Турилова.

¹¹⁹ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1. № 170. С. 305–306.

¹²⁰ Васильев Л. Новгородское Евангелие Императорской Публичной библиотеки // Русский филологический вестник. 1902. Т. 47. № 1–2. С. 152–168.

¹²¹ Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 36–37; Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. II. С. 127, 128.

Кроме того, указанная ранее Полоцкая ревизия 1552 г. знает «монастырь Светого Ивана Предтечы на Острове, **наданыи князя великого Полоцкыого Онофрея** (выделено мной. — А. К.)»¹²². Таким образом, мнение исследователей о подлинности княжеского пожалования не выглядит столь уж спорным.

Среди владений Иоанно-Предтеченской обители первыми в ревизии 1552 г. были названы следующие: 1) «К тому монастыру над рекою Улою люди Копътевские, Демидовские и Прыстойские. Тыхъ людей всихъ подыма осмьдесятъ шесть, которые даютъ на монастыр с пашень своихъ всякого збожа четвертый снопъ и зо всих бортей половицу меду»; 2) «К тому жъ монастыру на рече Начы людей осмнадцать чоловековъ, которые также даютъ на монастыр с пашень своихъ всякого збожа четвертый снопъ. Бобровщыны на господаря его милости двадцать пять гршей шыроких платять. Сторожомъ замковымъ четвертку ечменю даютъ». Итак, лишь земли и угоды на р. Сомница ревизия не фиксирует¹²³. Это свидетельствует о том, что к 1552 г. Иоанно-Предтеченским монастырем они уже были утрачены. Такая частая смена владельцев земельных участков вблизи Полоцка заставляет задуматься о смещении акцентов в репрезентативности хронологии данных актов от широких периодов времени на более дробные.

Отсутствие имени полоцкого великого князя Онофрия в других источниках, помимо записи его вклада в Евангелии-Апракосе, вряд ли может поставить под сомнение подлинность его пожалования. Фактически со второй половины XIII в. после князя Изяслава и вплоть до конца первой четверти XIV в. мы не знаем практически ни одного полностью достоверного известия источников о Рюриковиче, который правил бы в Полоцке. Тем не менее ревизия 1552 г. такие имена сообщает. Прежде всего, стоит отметить, что ее составитель в ряде случаев четко различал наданья «великого князя Полоцкыого Андрея» и «князя Андрея Олгирда»¹²⁴. При этом пожалования великих полоцких князей Андрея и Семена (возможно, его сына Семена Андреевича), что весьма логично, были даны церкви «Светого Софея в замку»¹²⁵. Очевидно, что ревизия 1552 г. сохранила уникальные сведения об именах князей, которые когда-то правили в Полоцке и Полоцкой земле. Возможно, одним из них мог быть не упомянутый даже этим источником «полоцкий князь» Александр (из рода Ольгердовичей?), сбежавший из Полоцка в Псков еще в 1374 г.¹²⁶ В этом же городе была также найдена редкая булла, принадлежавшая еще одному полоцкому князю, который неизвестен актам. Эта булла «содержит на одной стороне поясное изображение св. Василия Кесарийского, а на обороте надпись: «[ПЕЧА]ТЬ ВА[СИ]ЛЬТВ[А ОЛЬ]КЕРД[О]ВИ[ЧА]». По мнению исследователей, эта печать принадлежала упоминаемому только в Евреиновской летописи сыну великого князя Ольгерда, князю Василию, рожденному от его второго брака с тверской княгиней Ульяной Александровной»¹²⁷. Таким образом, ставить точку в изучении пожалования полоцкого великого князя Онофрия Иоанно-Предтеченскому монастырю еще рано.

Дальнейшее изучение уникальных сведений Полоцкой ревизии 1552 г. о пожалованиях местных князей за вторую половину XIII—XIV в., возможно, даст более твердые основания для создания хронологической сетки, в которой могут быть отражены периоды правлений князей из русской и литовской династий в Полоцке, что, в свою очередь, поможет уточнению других недатированных частных полоцких актов.

¹²² Лаппо И. И. Полоцкая ревизия 1552 г. С. 170. Л. 83 об.

¹²³ Там же. С. 171. Л. 83 об.

¹²⁴ Там же. С. 174. Л. 86 об., 87.

¹²⁵ Там же. С. 174. Л. 86 об.

¹²⁶ Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. № 225. С. 10 (исследователь отождествлял его с князем Александром, известным по событиям в Пскове в 1368 г.).

¹²⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. III. С. 107.

Приложение № 2.

16.

Род Бабичевых князей и Путятичев.

У князя Симеона у Дмитриевича дети: князь Иван Баба, да князь Иван Путята, да князь Михаило Болобан, да князь Дмитрие Секира.

А у князя Ивана у Семеновича у Бабы дети: князь Федор, да князь Костянтин, да Василии, да князь Семен, бездетен, убит под Перевицким.

А у князя Федора Ивановича дети: князь Семен Соколинской, умер в тюрьме и с сыном на Москве в нятстве, да князь Василии Щербатой, бездетен, *да князь Федор Соколинской*³, да князь Иван Озерцкой. //

А у князя Костянтина Ивановича одна была дочь, княжна Анна, за князем Дмитрием за Воротыньским.

А у князя Василья у Ивановича дети: князь Семен, да Юрья, да Борис, да Дмитрие, бездетен, да князь Михаило.

А у князя Семена Васильевича один сын князь Иван, в Новгороде на поместье.

А у князя Юрья дети: князь Федор, да Дмитрие, да Кольшка.

А у князя Бориса дети: Ондри, да Иван. //

А у князя Михаила один сын Федор.

А у князя Ивана Путяти у Семеновича дети: князь Василии, да князь Иван, да князь Дмитрие, что был на Киеве.

А у князя Василья Ивановича дети: князь Юрья, отпустил князь велики Василии Иванович в Литву, *да князь Дмитрие*⁴, а князя Дмитрея не стало в тюрьме.

А у князя Юрья сын — князь Дмитрие, Шемячичев племянник, потому что за князем Юрьем была князю Василью Шемячичю родная сестра.

(ОР РГБ. Ф. 256. Собрание рукописей Н. П. Румянцева. № 349. Л. 153—154.)

³ *_* Вписано между строк.

⁴ *_* Вписано между строк.